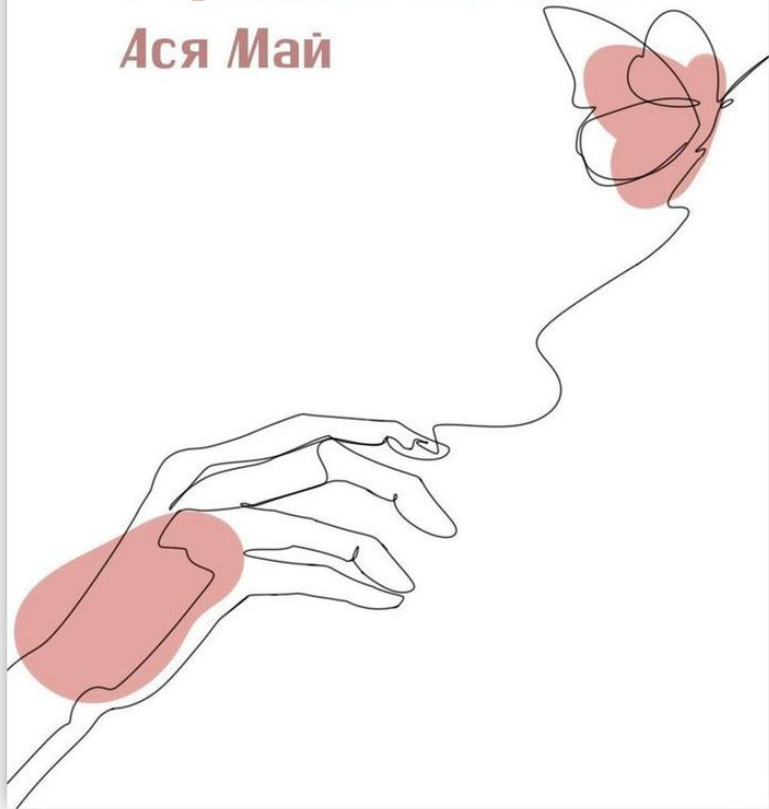

18+

ЭФЕМЕРНОСТЬ

Ася Май

Ася Май

Эфемерность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68286146

ISBN 9785005904263

Аннотация

Эта история о хорошем мальчике из хорошей семьи, вечном герое второго плана. Эта история – квинтэссенция его злобы, его ненависти, его обид. Эта история – его кровавый путь становления Главным Героем. Он – особенный. Больше не второстепенный персонаж – случайное убийство меняет все.

Содержание

Предисловие	5
Тетка-акула	7
Пепел	14
Ссора	23
Сон о самоубийстве	36
Слухи	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Эфемерность

Ася Май

С мыслями о Е.В.

*В этом огромном бестолковом мире мне очень
повезло встретить тебя.*

Дизайнер обложки Mynexttry

© Ася Май, 2022

© Mynexttry, дизайн обложки, 2022

ISBN 978-5-0059-0426-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Эфемерность» – это очень личное и одновременно очень далекое от меня произведение.

Родилась «Эфемерность» в 2018г., в Уфе, и была просто идеей. Потом появился рассказ «Тетка-акула», который был вполне себе самостоятельным, но затем стал, после небольшой доработки, первой главой книги.

После 2019г., когда была написана едва ли четверть книги, дело застопорилось и произведение ушло в долгий ящик. Продолжила писать я уже осенью 2021г., и завершила в марте 2022г.

Я очень долго переживала, что так и не написала книгу до 18-ти, как планировала, однако сейчас я понимаю: все происходит в свое время. Тогда у меня просто не было достаточно жизненного опыта, недостаточно собственных мыслей, идей и оригинальности, чтобы вложить это в произведение. «Эфемерность» же напитана ситуациями, происходившими с мной, людьми, с которыми я вела знакомство в то время, с образами и мыслями, которые меня тогда наполняли. Сейчас я сильно ее переросла, очень многое в главном герое не близко мне (а некоторые его мысли никогда и не были близки), однако, я думаю, что «Эфемерность» заслуживает право на существование. Она и ее главный герой – скорее антипример, и не стоит во всем воспринимать ее всерьез.

Очень надеюсь, Мой Дорогой Читатель, что тебе будет интересна история, рассказанная в этой книге, надеюсь, она была рассказана не зря.

И, прежде чем начать, я бы хотела выразить огромную благодарность Лиле А., за чудесную иллюстрацию и вдохновение, за помощь в создании книги Елене М., которая всегда спускала меня с небес на землю, и моей драгоценной Элине А., за поддержку и понимание – без тебя бы этой книги не было.

Тетка-акула

Это случилось незадолго до его первого убийства, и иногда он размышлял: не стало ли это своеобразным толчком? Зернышком идеи, что проросла в его голове в смертоносную венерину мухоловку.

В тот день все кричало.

Сигнал светофора тревожно мигал красным, отзываясь в голове резкой болью. Его голова болела еще со вчерашнего дня, вернее, просто раскалывалась от зудящей боли, и он знал, что единственный способ справиться с этим – залезть под одеяло, погасив свет, и затихнуть под ним в полной тишине, медленно погружаясь в вязкую дремоту.

Но мама дома, а значит, неизменно начнутся расспросы, почему он пропускает универ, а после суета и беготня, и его в любом случае не оставят в покое, а значит, лучше пойти на пары.

– Ты сегодня бледный. Я хочу сказать, бледнее, чем обычно, – Семён ловко лавировал среди густой толпы, придерживая его за локоть, привычно помогая огибать препятствия, – прошу прощения, мадам, – кивнул он маленькой девочке, на которую Денис едва не налетел, и быстро впихнул друга в подъехавшую маршрутку.

Семён, деловито распахивая пассажиров, плюхнулся на свободное место, а затем утянул туда и Дениса.

– Опять болит голова?

Они сначала жили в одном дворе, потом учились в одной школе в одном классе, а сейчас поступили в один институт на один курс, и едва ли кто знал Дениса лучше. Семёну хватило одного взгляда, чтобы понять, что друга опять мучает мигрень.

Лето выдалось прохладным, но сегодня стояла жара, духота казалась невыносимой.

– Меня сейчас стошнит, – мрачно заявил Денис, и, судя по зеленому оттенку его кожи, он не врал.

– Только не на меня.

Семён сморщил веснушчатый нос и широко улыбнулся. Оба худые, как палки, только Денис повыше, в остальном они были совершенно разными. У Семёна лицо миловидное, с приятными округлыми чертами, смуглая кожа, он похож на маленькую активную аквариумную рыбку, снующую туда-сюда. Денис медлительный и неуклюжий, словно слишком велик для своего тела, вечно бледный и не знающий, куда деть руки. Глаза почти черные, темные кудри всегда аккуратно уложены, в отличие от торчащих во все стороны вихров друга. Денис плетется, натывается на предметы, смотрит исподлобья сосредоточенно и напряженно, а Семён скачет, как мячик попрыгунчик, дергает жизнь за косички, торопит Дениса: пойдём, скорее!

Семён что-то рассказывает, как всегда оживленно, поднимая брови и мотая головой, Денис слушает невнимательно,

лишь натренировано поддакивает и вставляет ничего не значащие междометия.

Денис девушкам нравится, загадочный и привлекательный, как молодой вампир из готического романа. Семён тоже, но иначе, своей заразительной смешливой энергией.

В салоне восхитительно тихо, из открытого на крыше автобуса люка скользит ветерок, ласкает разгоряченное лицо. Болтовня Семёна кажется почти убаюкивающей, и даже боль отступает, становится терпимой, и Дениса сонно покачивает на ее волнах, мысли туманятся, ускользают куда-то в приятную темноту.

Все нарушает резкий хлопок. Захлопнулась дверца люка – Денис это понял прежде, чем открыл глаза, ветерок исчез, и в нос ударил кислый запах пота и удушающая вонь духов. Мимо него протиснулась женщина – нет, тетка, – в отвратительном, ядовито-красном платье, плюхнулась на сиденье рядом, посмотрела на него с вызовом в густо накрашенных глазах.

Семён затих, а тетка, победно улыбнувшись, устроилась на сиденье.

«Вот же дрянь», – устало подумал Денис, чувствуя, как вновь накаляется головная боль во лбу.

– Денис?

«Тупая, старая дрянь, которая думает только о себе, которой...».

– Деня, тебя тошнит? Дать тебе пакет? У тебя такое ли-

цо... – Семён наклонился к нему поближе, так что его темно-русые волосы небрежно свесились на лоб, упали на глаза, – Деня, эта тетка – настоящая акула, ты с ней не связыва...

«Акула. Тетка-акула с акульими зубами, которая цапает всех, кто поступает не так, как она хочет, наглая стерва, которая всегда получает желаемое, нагло впивается пастью и не отпускает, пока не уступишь, смотрит тупыми акульими глазами, выжидает, чтобы броситься».

У Сёмы в зеленых глазах – до неприличия зеленых, как будто он нацепил цветные линзы – беспокойство.

Они – неконфликтные. Сёма – от пофигизма, ему просто все равно на окружающих, ему комфортно самому с собой, и он не любит лишних ссор. Денис – от злой застенчивости, он из тех людей, которым наступят на ногу – а они стоят, смущаются, не могут сказать: простите, вы мне ногу отдавили.

– День... – Семён смотрит предостерегающе, но...

«Тварь ли я дрожащая, или право имею?».

Денис не собирается рубить тетку-акулу топором, но и отчаянно не хочет конфронтации. Становится все жарче.

«Я тоже еду в этом автобусе. И мне жарко. Тварь ли я дрожащая?».

Он поднялся, чувствуя спиной прожигающий взгляд тетки, и ощущая, как на щеках вспыхивают болезненные алые маки. Одно движение, легкий скрип, и в лицо брызнул свежий воздух, ветер мазнул по щекам, слизывая алые цветы.

Дышать стало легче, и Денис опустил на место, стараясь не глядеть на тетку.

Семён молча и удивленно смотрел на него, знакомым жестом склонив голову набок. Тетка прошла мимо и села вперёд, там, где не дует.

– Ты только что стал мужчиной, мой мальчик. Победив акулу, житель племени становится не мальчиком, но мужчиной.

Несмотря на разыгравшуюся мигрень, Денис слабо улыбнулся. Снова дул ветер, в салоне посвежело, и ему стало легче. Это было не так страшно, как казалось.

– Знаешь, что странно? – Сёма нарушил молчание не сразу, они успели проехать полдесятка остановок.

– Что? – Денис пробормотал это почти что про себя, но Семён на его вялость внимания не обратил.

– Всем было жарко. Всем хотелось открыть люк, но никто этого не сделал.

– Люди готовы перетерпеть кое-что, лишь бы не ссориться, – Денис зевнул, и, наконец, открыл глаза. Головная боль, тяжелым осадком, притаилась где-то в затылке, готовая вот-вот напасть снова, но пока чуть отступила, и он был настроен поболтать.

– Большинство людей слишком воспитаны, чтобы что-то требовать. Понимаешь, мы – жертвы нашего хорошего воспитания, мы не можем не только чужое взять, но и даже свое. Мы не умеем уговаривать, упрашивать, требовать. Мы роб-

ко просим: а можно нам вот это? Только если тебе самому не нужно, а если нужно, я не возьму. И потому в мире отлично живется вот таким акулам: они разевают зубастую пасть, смотрят мертвыми охотничьими глазами, и ам! Съедают и свое, и чужое, все что удастся получить, заработать, выпросить. Хамоватые тетki в магазинах всегда получают свое, потому что продавцы не могут им противостоять, наглые продавщицы зажимают сдачу и не возвращают деньги за бракованный товар. Они получают свое, а мы идем домой, мрачнеем, жалуемся близким и стыдимся собственной воспитанности. Родители хотели, чтобы мы выросли хорошими людьми, но в мире, где так много людей плохих, хорошим быть очень трудно. А по-другому мы уже не умеем.

– Как в тот раз, когда все получили по две пиццы в столовой, а мы не одной, потому что не смогли пробиться сквозь толпу, – задумчиво протянул Семён.

– Типа того, – Денис кивнул, разглядывая потертые кеды.

– Но это же дерьмово.

– Ну так жизнь – не диснеевская сказка. Хочешь жить – умей вертеться. Я вот не умею.

– И я.

– Мечтаю научиться грубить людям, говорить то, что думаешь, стоять за себя. А то всю жизнь так и проживу мямлей, – Денис потер щеку, – надоело всех бояться и стесняться.

– Остановку проехали, мямля! – Семен схватил его

за шкирку, торопливо выкидывая из маршрутки и прыгая следом.

Оба рванули назад, к виднеющемуся зданию университета, старому и выложенному из осыпающегося красного камня.

Денис лишь на мгновение чуть замедлил шаг, поймав взглядом хрупкую светловолосую фигурку, окруженную стайкой хихикающих девчонок. На миг его черные глаза встретились с ее, томительно-серыми, и он быстро отвернулся, чувствуя, как щеки заливает предательская краска. Девушка осталась позади.

Пепел

Асфальт под ногами кажется покрытым тонким полотном первого снега, но на самом деле – это пепел. Дождя не было давно, несмотря на пасмурную погоду, и потому останки тысяч сигарет серовато-белым налетом покрыли землю.

Я стою, прислонившись к стене ресторана, в маленьком закутке, куда все бегают на перекур, и не сразу понимаю, что уже минут пять рассеянно мусолю в пальцах дешевую сигарету, словно не решаясь ее поджечь. День катится к вечеру и выдался на редкость дерьмовым.

Рабочий день стартует в десять, и в течении часа, перед открытием, ты драишь весь чертов ресторан, начиная со своей зоны и заканчивая зонами общими. Затем бизнес-ланч, как правило, насыщенный, всегда проходящий как в тумане: столики сменяют друг друга один за другим, быстро, точно на карусели, ты не запоминаешь лиц и заказов, монотонно выполняя одни и те же действия. Затем затишье, когда можно перекусить или сбегать покурить. И вечером снова та же самая карусель, но только столики сидят дольше и требуют большего. Это выматывает. Работа с людьми всегда выматывает, потому как многие, точно маленькие клещи, заползают под кожу, впиваются в незащитную плоть и тянут жилу за жилой.

Я устало прикрываю глаза, чувствуя непреодолимое жела-

ние уснуть. Но там, внутри ресторана, ждут еще три столика, совершенно не собирающиеся уходить, два из которых – на редкость тяжелые.

– К черту!

Арина выскочила из служебного входа, метнулась в закуток для перекура, едва не налетев на меня. Уставшее лицо покраснелось, залитое слезами.

– Что случилось?

– К черту! Дай сюда! – она ловко выхватывает из моих смятую пачку, зажимает во рту сигарету, ловко поджигая. Она давно перешла на электронные сигареты, но сейчас, кажется, об этом забыла.

– Арина!

– К черту!

Ее обычно веселое лицо изменилось. Голубые глаза с вечным хитрым прищуром потухли, всегда улыбающиеся губы обиженно изогнулись, на щеках гневный румянец, покрытый крупными каплями слез. Мать двоих детей, в свои тридцать два она едва ли выглядела на двадцать пять, ко всему относящаяся с юмором и улыбкой, сейчас она была просто раздавлена. Сигарета подрагивала в некрепких пальцах.

– Эти мелкие... Сидят, выкомыриваются! – она сердито утирает глаза, – уволюсь, уволюсь к чертовой матери! Приходят, мелкие пижоны, выпендриваются, а ты терпи, улыбайся...

В ее глазах горькая обида, обида за то, что она, взрослый

человек, мать двоих чудесных сыновей, должна стоять, унижаться и выслушивать каких-то зазнавшихся малолеток, с их вечными снисходительными ухмылками.

– Да ты что, Арин, как мы без тебя, – беспомощно бормочу, чувствуя опустошающий гнев и обиду. Обиду за нее и за них всех. – Плюнь ты...

– Не плюну, сил моих больше нет!

Она сердито топает ногой, обутой в дешевые потертые балетки, и ругается, выронив сигарету.

– К черту, – бормочет себе под нос, доставая телефон.

Арина не уволится, я знаю это точно. Сфера общепита затягивает, порой, куда сильнее вонючей болотной трясины. Ты прикипаешь к людям, вечному кипишу, непреходящей запаре, к общему торопливому и суетному темпу жизни.

– Так устроена жизнь, – я чувствую, как через маску сочувствия на лице впервые проступает жесточенность, и торопливо отворачиваюсь.

– Хреново она устроена, – Арина наблюдает за медленно тлеющей сигаретой, и не замечает моего изменившегося лица, иначе она бы точно содрогнулась.

– Нет, на самом деле, так оно и есть. В этой жизни у тебя есть три пути, – мой тон становится несколько самодовольным, поучительным, но в голосе застревают высокие нотки обиды, и мне это не нравится, – ты можешь родиться в богатой семье, и родители протопчут тебе уютную дорожку к счастливой жизни. Хорошее образование, манеры, опыт-

ный психолог и дорогие шмотки.

Арина выжидательно смотрит на меня. Я часто замечаю, что у меня какой-то загадочный дар захватывать чужое внимание. Так змея гипнотизирует маленького пушистого зайчика.

– Ты можешь обладать красивой внешностью и сесть на чью-нибудь удобную просторную шею, да и в целом проторить себе путь большими глазами и пухлыми губами.

Девушка издает сдавленный смешок.

– Или ты можешь батрачить. Урабатываться не в себя, без выходных и праздников, вкалывать как лошадь...

– А потом и сдохнуть как лошадь, – Арина сердито отбрасывает в сторону сигарету, и та уныло шлепается на асфальт.

Я позволяю себе ободряюще хлопнуть ее по худому плечу.

– Забей себе кофе, я оплачу. Сегодня на баре Максим, так что не траванешься.

Максим – мечта любой девчонки, голубоглазый брюнет с очаровательной улыбкой и тенью ямочек на щеках. Мы учимся в одном университете, только вот будущее Максима – престижная, хорошо оплачиваемая работа программиста, а вот мое..., впрочем, я еще им всем покажу.

Арина слабо улыбается и качает головой:

– Я и без того живу на одной ненависти и кофеине в венах.

– Денис! – из-за двери служебного входа высунулось острое личико Гульшат, самой вредной менеджерки из всего штата. – Хватит штаны просиживать, у тебя столы вооб-

ще-то. А если так нечем заняться, я придумаю тебе работу.

Приходится улыбаться, пожимать плечами, строить немного виноватый вид, и торопливо возвращаться в зал, на ходу повязывая уродливый жесткий фартук официанта.

Мои три стола негодуют одновременно, как будто бы я отсутствовал не пять минут, а минимум пару часов. Этому нужна ложка, старую он уронил, эта пытается заказать вино подешевле и попримичнее – критерии абсолютно несовместимые – а этому нужны еще салфетки, ведь старые он художественно раскидал по залитой каплями столешнице. Поразительно, как двое человек могут так загадить пространство вокруг себя.

Им всем нужно кивать, улыбаться, заглядывать в глаза, делать вид, что тебя беспокоят их проблемы.

Я давно выработал привычку разговаривать с ними как с детьми, успокаивающе-нежным тоном, так утешают ребенка, разбившего коленку:

«Что? Ваше горячее готовится уже десять минут? Ох, простите, пожалуйста, мне так жаль. Но, видите ли, вы заказали мясо по-французски, мясо должно хорошо пропечься, вы ведь не хотите сырое? Придется еще немножко подождать, повара делают все возможное».

«Что? Ваш суп слишком горячий? Прошу прощения, мне жаль, но он и подается горячим. Вы можете подуть на него, или просто подождать, пока он немного остынет».

Все эти реплики рекомендуется произносить медленно,

сочувственно-виноватым тоном, для полноты картины вскинув брови печальным домиком.

Работает почти всегда. Гостям, как правило, больше нужно твое внимание, нежели результат.

Компания молодых людей за угловым столом шумит, смотрит насмешливо и нагло, и это раздражает. Демонстративно свинячит за столом, мешает забрать грязную посуду, то и дело щелкает пальцами вместо того, чтобы нормально позвать меня.

Чем дольше они сидят, тем больше мне хочется перебить их всех одного за другим.

– Эй, официант! – широколицый парень, с лицом, усыпанным крупными хлопьями веснушек, вновь щелкает пухлыми пальцами, довольно осклабившись, – мне нужен мой бифштекс.

– Прошу прощения, вы заказывали бефстроганов, бифштекса в меню у нас нет, – улыбаюсь я, представляя, как изменится его лицо, когда я вспорю его жирное брюхо, позволяя глянцеваым сосискам кишок вывалиться наружу дымящейся вонючей кучей.

– Что за ресторан без бифштекса, – фыркает его сосед, карикатурно тощий, с узким обиженным лицом. Он обнимает за плечи недовольную темноволосую девушку, которая весь вечер жарко спорит с каждым их друзей.

– Это же тебе не стейк-хаус, – тут же вставляет она, морщит маленький нос и убирает длинную руку тощего парня

со своих плеч. Она выглядит расстроенной, загнанной, демонстративно сидит чуть в сторонке, скрестив руки на груди, оглядывается, проверяя, волнуются ли о ней, достаточно ли обратили внимания. Весь ее вид кричит: «вот она я, посмотрите же на меня, обратите на меня свой взор! Поговорите со мной, утешьте меня, бегайте за мной!».

– Отстань, Розалия, – недовольно морщит нос тощий.

– Ваш бефстроганов будет готов в течении десяти-пятнадцати минут, – я вновь тяну улыбку, изо всех сил растягивая в ней уголки непослушных губ. Тощего я бы пропустил через огромную мясорубку, медленно, со вкусом, заживо, наслаждаясь тем, как он визжит надтреснутым голосом, бешено вращает тонкими руками-палочками, силясь выбраться, как глядит пустыми от боли глазами, наблюдая, как его узкие ноги исчезают в болезненной темноте острой мясорубки, и выходят из ее конца багряным фаршем.

– А че так долго? – жирный парень морщится, строит недовольное лицо, наблюдая за реакцией девушки напротив – впечатлилась ли она тем, какой он крутой? Как ставит на место зарвавшегося официантишку?

– Вы сделали заказ пять минут назад, горячее готовится в среднем около получаса, это же мясо. Ему необходимо время.

– Но можно же поторопиться, что там, сложно что ли, – бурчит рыжий, поправляя волосы, и не сводя взгляда с блондинки напротив. Розалия же вздыхает, скидывает чуть дро-

жащие пальцы с короткими черными ногтями и множеством громоздких колец:

– Можно мне повторить пива?

– Мне тоже, раз уж блюда у вас не дожидаться, – снисходительно кивает толстый, и добавляет отвратительное: «и сразу, а не через полчаса».

Максим на баре наливает пиво, сонно зевая, но довольно шустро. Рукава его черной рубашки закатаны до локтей, открывая симпатичные сильные руки. Понятно, почему он так нравится девушкам. При его внешности иметь харизму – роскошь, но он харизматичный. Улыбчивый, с обескураживающим чувством юмора, умный. У девчонок нет шансов.

– Чего такой кислый?

Я мысленно макаю толстого парня головой в бочку с пивом, любуясь пузырьками его угасающего дыхания на поверхности.

– Да гости тяжелые, все мозги вынесли.

– Двенадцатый? – Макс понимающе кивает, аккуратно снимая верхушку пенной шапочки с запотевшего пилснера.

– Ага, – тощий парень в моих фантазиях визжит, нанизанный на огромный вертел, крутится над языками пламени, кожа его чернеет и лопается кровавыми пузырями, голос надламывается от воплей.

– Те еще придурки, они в прошлый раз Милену едва до слез не довели, как же она ругалась... – Макс хихикает, подвигая ко мне бокалы. – Заглядывай после смены, я те-

бе отолью чего-нибудь, – он обаятельно подмигивает, доставая очередной слип с заказом, и ловко подхватывает с полки шейкер.

– Договорились, – настроение поднимается, и капризную блондинку за столиком я уже убиваю менее мучительно – просто душу розовой плотной подушкой.

Розалия же делает глоток пива и смотрит на меня долгим мутноватым взглядом, точно размышляя о чем-то, но ничего не говорит.

– Так что там с моим бифштексом...?

Бум. В моей голове звучит звонкий пистолетный выстрел.

Ссора

После работы хотелось только умереть.

Ноги гудели, голова была тяжелой, но хуже всего было гнетущее ощущение пустоты внутри, ощущение бездарно пройденного дня.

На работу встаешь рано, тащишься сонный, не в духе, вливаешь в себя кофе, впахиваешь нехитрый завтрак – потому что потом поесть не удастся еще долго. Ребята вокруг такие же сонные мухи, лениво перебрасываются шутками, скользят по неправильно пустому, лишенному пока еще посетителей залу, проводят утреннюю уборку. Потихоньку начинают улыбаться чаще, летают по залу первые робкие смешки, и вот уже зал наполняется привычным официантским гомоном. На кухне тяжело и громко играет рок, звенит посуда, шуточно переругиваются повара, и день катится дальше. Бесконечно утомительная беготня с подносом, от которой устают ноги, бесконечная трескотня гостей, заказы за заказом, исписанные листы помятого блокнота, резкие реплики уставших пропотевших поваров.

День кажется кровожадным беспощадным вампиром, высасывающим кровь и жизнь, жестоким и бесцельным. Уже ближе к ночи, занимаясь послерабочей уборкой, натирая ровные ряды перечниц, перетряхивая солонки, скручивая алые лепестки салфеток и отмывая потемневшие ножки сто-

лов, невольно думаешь: а в чем же прошел этот день? Двадцать четыре часа моей юности. На что я их потратил?

Сегодня я прихожу домой пораньше, но меня это не радует. Все, чего хочется – принять горячую ванну, расслабиться в покрытой пеной воде, вытянуть уставшие ноги и дать себе не думать. Не думать ни о чем.

Но родители дома, и суета их скандала застает меня еще на пороге квартиры.

– Почему я должен питаться полуфабрикатами? – громогласно грохочет отец, эпатажно взмахивая руками, гневно сводя кустистые брови.

– А почему я... – мама теряется, болезненно морщится, как будто скандал причиняет ей физическую боль, скрещивает тонкие руки на тощей груди и отворачивается, поджигая кричаще-алые губы.

– Твой сын вернулся с работы, почему он должен, вместо сытного ужина, почему он должен варить себе сосиски? Я пришел с работы, почему я должен варить себе сосиски?

Отец машет в мою сторону здоровой ладонью. Он ненавидит мою работу, но ему удобно апеллировать ею сейчас. Как и выражением «твой сын». Молча снимаю ботинки, ощущая неприятно-кислый запах потных носков. Таковы реалии – если твои ноги двенадцать часов потеют в тесных рабочих ботинках, благоухать они не намерены.

– Я тоже работаю! – голос матери срывается от обиды. Она раскидывает руки, потрясая ими, как паршивенькая ак-

триса, морщит лицо, и торопливо, гневно продолжает, – я тоже работаю, но никто, никто не воспринимает этого всерьез, вы все считаете, что это не работа, а просто развлечение, и что я...

Моя мама – актриса, не по профессии, а по жизни. Ей необходимо внимание, необходимо трагически заламывать руки, делать большие глаза, спрашивать: «а что же делать?». Сегодня она – трагическая актриса, непонятая жертва патриархальной системы, которую никто не воспринимает всерьез.

Моя мама – писатель. Не по профессии, по профессии она бухгалтер. Но пару лет назад издала свой первый роман, маленькую книжку в пошло-розовом бумажном переплете, бульварный любовный романчик, и с тех пор строчит их с потрясающей воображение регулярностью. Ее романчики – сплошные сильные руки, мускулистые груди, страстные поцелуи и пронзительные глаза. Бульварщина.

– Я приношу деньги, и хочу, чтобы дома был борщ к моему приходу, чистые носки и помытый пол, ты же сидишь дома! Ты же женщина, ты же мать! – отец багровеет, как багровеют все склонные к тучности люди.

– Я не обещала всю свою жизнь посвятить борщу, носкам и полам! – трагично возвещает мама, хлопает дверью спальни. Выглядывает. – Это – тоже работа! – снова хлопает дверью.

Отец молчит минуту, его дрябловатые щеки медленно на-

ливаются краснотой.

– Лена! – вопит он, и также скрывается дверью. Он не любит, когда перед ним хлопают дверьми, и когда последнее слово остается не за ним.

Мне нравится приходить с работы поздно. Когда я прихожу рано, приходится неизбежно сталкиваться с ними, и это неизбежно заканчивается скандалом. Либо между отцом и матерью, либо, если мать слишком занята новым романом, между отцом и его мнением обо мне.

Можно было бы сказать, что между отцом и мной, но я не слишком то участвую в подобном скандале. Я не виноват, что он не видит дальше своего носа, и его все во мне не устраивает, от манеры одеваться до места моей работы и учебы.

Плевать, что он думает. Когда я достигну успеха, он пожалеет обо всех своих словах.

Скандал утих к моменту моего выхода из ванной, и я смог спокойно проскользнуть в свою комнату. Ужинать, вернее, поздно обедать, не хотелось, страшно хотелось с кем-то потрепаться.

Цезарь меланхолично перебирает своими восемью лапками в своем террариуме.

– Хорошо тебе быть пауком, да?

Цезарь не отвечает. И ежу понятно, что хорошо.

– Никаких тебе сложностей. Вот мы, люди, очень сложные. Наша жизнь перестала сводиться к простому выживанию и размножению. Ну, по большей части. Наш мозг, –

демонстративно стучу пальцем по виску, чтобы подкрепить свою мысль, – ужасающе мощная машина, мощнее любого современного компьютера, и до конца еще не изучен. Он то все и усложняет. Это из-за него мы стремимся к самореализации, всеобщему одобрению, из-за него все мы – жертвы социума.

Цезарь молчит, лишь немножко подползает поближе. С Семёном дискутировать интереснее, он хотя бы отвечает. Хотя, иногда это бывает некстати. Я больше люблю, когда меня слушают.

– Ты стремишься только выжить, отложить побольше яиц. . . Хотя, ты же не самка.

Цезарю плевать, что он не самка, он, деловито перебирая пушистыми лапками, забирается на стекло террариума.

– Суть не в этом. Тебя не слишком заботит смысл твоей жизни, есть ли в этом мире другие планеты и живут ли на них другие пауки. . . Мы даже друг с другом, на нашей планете, не можем поладить, к чему нам инопланетные цивилизации? – позволяю себе чуть-чуть фыркнуть, когда беру паука на руки. Он не слишком то этому рад, но я привычным движением удерживаю его на ладони.

– А нам, нашей многоуровневой машине под защитой черепной коробки, так и хочется сложностей: смысла жизни, любви, признания. . .

Цезарю абсолютно не хочется признания. Цезарю хочется обратно в террариум.

– Признание... Я его получу, Цезарь. Мое имя будет во всех заголовках. Я не такой как все они, не стану сидеть в офисе с восьми до пяти, готовить ужин, лениво тупить перед теликом, играть с детьми, а по выходным пить пиво с шашлыками на даче у друзей. Я был рожден для абсолютно другой жизни.

Это отец может вести скучную жизнь посредственного адвоката, это мама может кипами строчить свои посредственные романчики. Я – из другого теста.

Цезарь с удовольствием возвращается в террариум. Он все равно хороший собеседник, то, что мне нужно.

Родители за стеной скандалят. Судя по звону, мама демонстративно принялась бить тарелки.

В детстве, помню, я этого пугался. Меня тревожили их ссоры, шум, битье посуды. Я сидел под одеялом, и молился, как учила бабушка, и том, чтобы это прекратилось.

Бабушка всегда говорила, что, если очень хорошо попросить Бога, он обязательно откликнется. Если ты хороший человек, конечно.

Однако, то ли я нехороший человек, то ли Бога нет, но он так ни разу не откликнулся.

– Ты ни во что меня не ставишь!

Бум! Минус тарелка.

– Ты забыла свое место!

Бум! Надеюсь, это не моя любимая чашка. Только не снова.

Сейчас мне больше не страшно, и я больше не молюсь. Но я думаю, лучше бы они развелись. К чему терзать и себя и меня? Многие говорят, что развод – это плохо, нужно сохранять отношения ради семьи, ради детей... Но что, если семьи уже попросту нет? Если брак разваливается, и даже суперклеем его не склеить, к чему всех мучать? Мучать себя тем, что я буду жить с этим человеком «ради», мучать детей, что они видят эти бесконечные скандалы и ссоры «ради»... Ради чего? Лучше бы они развелись и один из них стал бы «воскресным родителем».

Интересно, любят ли они еще друг друга?

Мысли о любви неизбежно наводят меня на мысли о Катерине. Катерина кажется мне абсолютно неземной, не такой, как все остальные.

– Могла бы она полюбить меня?

В наступившей тишине мои слова звучат жалко и виновато, точно мне самому неловко говорить об этом.

– Что касается любви... – Цезарь замирает на ветке, внимательно смотря на меня, точно ему очень интересно слушать про тонкости человеческих отношений. – Никто не станет любить тебя, если ты – сломан. Если ты сложный, если ты грустный или проблемный.

– Никто и не обязан, – Цезарь отвечает мне смешным, бабовитым голоском, и быстро прячется за веткой, точно смущенный собственной смелостью.

– О любви можно говорить долго, – я старательно делаю

вид, что не слышу реплики паука, – ведь весь мир старательно кричит вокруг нас: люби, и будь любимым! Иначе все это не имеет смысла. Сколько бы ты не говорил, что ты полноценный, что тебе не нужны отношения... Социум обступит тебя со всех сторон, опутывает паутиной неприятных вопросов, косится на тебя неодобрительно, как будто, раз ты не в отношениях, с тобой что-то не так. Ты замечал, как порой девушки горделиво тычут повсюду собственным замужеством? «А вот я с мужем...», «мой муж», «мне муж»... Точно всем вокруг обязательно нужно быть в курсе, была бы их воля они бы на лбу себе написали: «ЗАМУЖЕМ». Мама тоже так делает, знаешь?

– Почему? – паук деловито шевелит лапками, и в голосе его слышится живое недоумение. – Даже сейчас, когда все вокруг такие свободные, сильные и независимые?

– Ну... – я раскачиваюсь на стуле, размышляя, позволяя разрозненным мыслям скользить в голове, точно ленивым змейкам.

Дверь моей комнаты распаивается, с треском ударяется о стену, отец на пороге багровый и злой, и у меня по спине бегут знакомые с детства мурашки. Пусть я уже не ребенок, но его вид все равно пугает. Так пугает дикий, прущийся на тебя клыкастый кабан.

– Ты!

Я?

– Ты опять не вынес мусор с утра, бестолочь ты этакая! –

грохочет отец, потрясая кулаками. Это выглядело бы по-мультишному смешно, если бы не было так страшно.

– Я... я опаздывал в университет, – к своему стыду, я бормочу, как ребенок, невнятно и робко. Вместо того, чтобы дать отпор, я снова прячусь в песок.

– Итак нихрена по дому не делаешь, одна единственная обязанность у тебя! Только и можешь что шлаться везде, да просиживать штаны за компьютером, вот заберу его у тебя!

Отец брызжет слюной, говорит путано, скользит осоловелым взглядом по комнате, ища, до чего еще можно докопаться.

– Это мой компьютер, и ты...

– В этом доме ничего твоего нет! – голос отца становится отвратительно визгливым.

– Виктор? – мама заглядывает в комнату, брезгливо морщится от громких криков.

– Не влезай! Слышишь, ты, щенок?! – отец тянет меня за воротник футболки, заставляя неловко подняться, встряхивает, бесцеремонно и грубо. – Тут нет ничего твоего, ты на это еще не заработал! Сидишь на моей шее, ешь мою еду!

Воротник футболки трещит, и я с омерзением думаю о том, что она растянется. Больше нельзя будет ее носить, а ведь она была моей любимой...

– Виктор! – мама трагически виснет на другой руке отца, драматично скидывает печальное лицо, – Виктор, прекрати, оставь нашего сына в покое!

Отец выходит из себя еще больше. От него кисло пахнет алкоголем, но сильнее его вывела ссора с мамой. Когда они вот так ссорятся, ему всегда необходимо выпустить пар, и обычно именно я попадаюсь ему под руку.

Внутри все тяжело содрогается, я вновь ощущаю липкий детский ужас, не в силах противостоять этому напору, и лишь безропотно позволяю ему трепать себя, как старую безвольную тряпку.

– Ты меня понял, ты, ничтожество?

Отец игнорирует вопли матери, багровея все сильнее. В душе я надеюсь, что его голова лопнет, как перезревший помидор.

– Ты еще даже себе на трусы не заработал, ты...

– Да пошел ты!

Я выпаливаю это быстрее, чем успеваю остановить себя, и отец тут же выпускает меня, точно его пальцы ослабели от шока.

– Что ты...

– Пошел ты, ублюдок! – уже громче возвещаю я, отпихивая отца, растерянного и беспомощного пухлого плюшевого мишку, а не дикого кабана.

– Денис...

– Сыночек! – мама вскидывает руки, ее лицо искажено печалью. Она раздражает меня, этой своей жалкой любовью, от которой она лебезит, точно запуганная собака, жалкой любовью ко мне, зависимой и нелепой любовью к отцу.

– Вы оба, катитесь к черту! – я подхватываю рюкзак, вылетаю из комнаты, больно ударяясь плечом о косяк, и уже выходя из квартиры слышу их приглушенную, горькую ссору:

– Это все ты виновата, если бы... Он бы тогда не был таким избалованным единственным ребенком, ты...

– Прекрати! – мама почти визжит, скрывается за дверью спальни с громким хлопком.

Они ругаются из-за аборта. Из-за абортов.

Как будто не родившиеся дети призраками кружатся вокруг них, и потихоньку растаскивают их брак на ниточки.

Улица встречает меня благословенной тишиной и приятной прохладой. Не родившиеся дети, образ кабана-отца, ползающая на брюхе псина-мать, все они остаются за спиной.

Я иду по улицам, минуя осиротевшие детские площадки, печальные и пустые, яркие маяки круглосуточных пивнушек, пизанские башни старых сталинок.

Я иду, пока ночь не сгущается вокруг меня темной чернильной пустотой, пока злоба и боль внутри меня не превращаются в ледяной расчетливый шаг.

Пока я сам из испуганного и робкого подростка не превращаюсь в нечто иное.

– Эй, ты! – она окрикает меня пьяным, заплетающимся языком, садится на покосившуюся скамейку, закидывает ногу на ногу, – закурить будет?

Темноволосая девушка оглядывает меня, пристально

и строго, а после вскидывает брови:

– Ты же тот симпатичный официант. Вот это да!

Я не помню ее имени, лишь смутно припоминаю, что что-то на «Р», но киваю. Та спорящая девушка из компании, что так бесила меня сегодня.

Наша встреча явно веселит ее, и она нетерпеливо прищелкивает пальцами:

– Так есть сигарета или нет, Денис?

Она даже запомнила мое имя. Я киваю, протягиваю ей памятую пачку, по-джентельменски даю прикурить.

– Эти уроды меня кинули, – жалуется она, качает головой, смотрит на меня с надеждой, – а ты не составишь мне компанию?

Я присаживаюсь рядом, закуриваю. Не оттого, что хочется – чтобы легче было построить диалог.

– Составлю... Роза, да?

– Розалия, – она улыбается снова, широко, почти обворожительно, ее улыбку не портит даже щербинка, пролегающая между зубов.

– Приятно познакомиться, Розалия, – она протягивает ладонь для рукопожатия, но я галантно прикасаюсь губами к ее тыльной стороне, и судя по пьяному хихиканью, ее этот дешевый жест чарует.

– Теперь мне очень-очень приятно, – кокетливо роняет она, поправляет волосы, заправляет их за ухо, чуть рисуясь.

Наша встреча – ирреальное совпадение, стечение обстоя-

тельств.

Для Розалии – роковое.

Для меня – знаменательное.

Я улыбаюсь ей своей самой приятной улыбкой, и она тает
в ответ.

А в голове моей уже кружится калейдоскоп образов.

Сон о самоубийстве

Он ободрал ладони, когда пытался протиснуться в узкий лаз, ведущий на крышу. Розалия же, тоненькая, гибкая, проскользнула туда легко, будто кошка, и он видел насмешливое выражение ее глаз.

Это его раздражало.

Она его раздражала, своей неуместной веселостью, подвижностью, извечной насмешкой в уголках тонких губ и невыносимо высокомерной оценкой собственной значимости. Она считала себя центром вселенной, и в свои семнадцать лет так и не повзрослела, сохранив детское эгоцентричное восприятие мира, отгалкивающе сочетающееся с подростковым максимализмом.

Проще говоря, существовало только ее мнение и мнение неправильное, и в любом споре Розалия всегда сыпала неуместными аргументами, переходила на личности, спорила и обижалась, отчего разговаривать с ней было никакой возможности.

Она его раздражала.

И потому она была идеальной.

– Мне очень нравится эта крыша. Я сюда иногда забираюсь, ну знаешь, послушать музыку, посмотреть на звезды.

Розалия отрывается от его губ, улыбается, заглядывает в глаза, точно пытаясь понять его реакцию.

Розалия – показушница. Она все делает напоказ.

– Иногда мне нравится стоять на краю, и знаешь, думать...

Что будет, если я упаду? Что мама подумает? А папа? Ему-то плевать на меня, сейчас, конечно, плевать, но что будет, когда я действительно упаду, и меня по-настоящему не станет?

Она снова заглядывает ему в глаза, проверяя – забеспокоится ли? Привлекла ли она достаточно внимания своими псевдо-суицидальными идеями?

Он думает, что, если бы она правда стояла на пороге смерти, она бы визжала от страха.

– Ты думаешь о том, чтобы спрыгнуть? – его собственный хриловатый голос кажется чужим, и он едва не вздрагивает.

Она молчит, смотрит на него задумчиво и нерешительно, вздыхает, как перед прыжком в воду:

– Да.

Тихо, будто выдавив из себя. Так неохотно выходят из тюбика последние остатки зубной пасты.

– Почему?

В этот раз молчание длится дольше, и когда она наконец открывает рот, слова звучат сдавленно от слез, щеки едва заметно краснеют в ночной темноте.

– Потому что все это не имеет никакого смысла. Потому что я тощая и никому не нравлюсь, потому что маме на меня плевать, и отцу на меня плевать и подавно. Потому что у меня прыщи, и девчонки в колледже пускают про меня дурацкие слухи. Потому что... Потому что я не знаю, кем я хочу

быть, я ненавижу себя и свою жизнь, и ненавижу этот ПТУ. Я не хотела даже туда поступать, – она переводит дыхание, захлебываясь слезами. Напряжение и страх, горечь обиды, все это переполняет ее, копившееся в ней так долго оно готово выплеснуться на любого, кто готов слушать. – Мама меня туда впихнула, сказала, что там полно мальчиков-программистов и можно удачно выйти замуж, а я ни черта не понимаю во всех этих кодах, схемах, меня трясет на каждой паре. И я... вообще в художественный колледж хотела.

Родители ее не любят? Как же. Несколько раз звонили за вечер, сказали, что ждут, что ужин на плите. Пожелали хорошего вечера – и пусть звонит, если что.

Она просто избалованная кукла, живущая чудесной жизнью, но ищущая жалости и внимания.

Однако он молчит, изображая благодарного слушателя, кивает, делает сочувственное лицо, но внутри не чувствует ничего. Ему наплевать. Какое ему дело до того, что она страдает? Это же все глупости, все девчонки загоняются из-за ерунды.

Но он сочувственно поднимает брови, кивает, даже берет ее за руку, и достаивается еще одного ее поцелуя.

– И все против меня, понимаешь?

Он послушно кивает, чувствуя, что все, что ей нужно – это лишь одобрение. Толика внимания, капля сочувственной улыбки и лишь намек на понимание. Этого довольно, чтобы она поплыла, доверилась, открылась.

– А дальше что? Нелюбимая работа. Офис, с восьми до восьми, пятидневка, – она выплевывает последнее слово с омерзением, точно оно жжет ей язык. – Постылый муж, дети, собака, ипотека, пиво перед телевизором по вечерам и шашлыки на выходных. А я, я не для этого была рождена, понимаешь? Для чего-то большего.

Все они думают, что рождены для чего-то большего. Поколение, воспитанное на Гарри Поттере, Люке Скайуокере, Фродо Бэггинсе и Китнисс, они с детства впитывают истории об «избранных», особенных, и искренне верят, что такие же. И только подрастая, понимают, что их жестоко обманули.

Никакие они не особенные. Кроме него, конечно. Но ей это знать не обязательно. Они все узнают, совсем скоро.

– Но я не знаю, как это исправить. И я не хочу вставать по утрам, и жить эту жизнь тоже не хочу, меня от нее тошнит.

Она отворачивается, скрывая злые слезы.

Тяжело быть ребенком, а подростком еще тяжелее. Взрослым – сложнее всего. Быть человеком вообще сложно.

Небо над головой черное, мрачное, но на неровной линии городского горизонта начинает светлеть, и он понимает, что время подходит к концу.

Сейчас, или никогда.

Он думал, что будет ощущать страх, волнение и трепет, но внутри у него холодно и пусто.

Он не помнит, что сказал ей, не помнит, она предложила ему подойти к краю, или он позвал ее сам. Помнит лишь

удивление в ее глазах, быструю, отчаянную попытку удержаться за его руку, как ее пальцы скользнули по рукаву его куртки. Шелест, когда она соскользнула вниз и глухой булькающий звук, когда она захлебнулась воплем, сорвавшись вниз.

Он даже не подошел к краю крыши и не взглянул вниз. Как будто во сне он направился к будке чердака, а потом сел в собственной постели, мокрый от пота.

Ему приснилось его первое убийство.

Он посмотрел на свои ладони. Они были содраны в кровь.

Слухи

В универ я безбожно проспал. Потом бинтовал ладони, методично, медленно, смакуя в голове подробности прошлой ночи. Все, от ее крика до выражения лица, и то сладкое ощущение власти. Это я решил, жить ей или умереть. Взвесил на чаше весов смысл ее жизни и красоту ее смерти. Наказал ее за глупость, за гордыню, за уныние. Покарал.

Мне нравится это слово, и я выхожу из квартиры перекачивая его на языке. Я выхожу из дома обновленным, обновленным иду по лестнице, обновленным покидаю подъезд, шагаю по улице, жду на остановке, обновленным сажусь в автобус.

Автобус заполняется людьми, пухнет, как старая переполненная папка, и я рад, что успел занять место. Голова точно набита песком, как у куклы, а ноги гудят. Впереди еще целый день, и нужно прожить его как ни в чем не бывало.

Прислоняюсь горящим виском к стеклу, ощущая приятную прохладу, мечтательно размышляя о том, какие разговоры обо мне гуляют по университету.

– Ни стыда, ни совести! – надо мной возвышается колоритная бабка: брюзга с вечно недовольным лицом, крепко сбитая и тяжелая, со строгим взглядом вредной учительницы.

– Прошу прощения? – вскидываю брови, пытаюсь понять,

ко мне ли она обращается и почему.

– Что за испорченное поколение! Женщина, в возрасте, стоит, и хоть бы хны! Уткнулись в свои телефоны-гаджеты, и как будто ничего не видят!

Плотно набитая в салон толпа начинает с кровожадным интересом поглядывать на бабульку, а я размышляю о том, как мне везет на неприятных женщин в общественном транспорте. Карма это что ли какая-то...

– Так у меня телефона нет в руках, – мирно вставляю я, показывая пустые ладони, но это действует на бабуку как красная тряпка на быка.

– Еще и дерзит! Вы посмотрите на него, ирод какой, что за поколение воспитали, уму не растяжимо!

– Непостижимо, – механически поправляю ее, и, отчего-то, не чувствую прежней робости и страха. Кто она такая? Чтобы я боялся ее, робел и стеснялся? Нет-нет, этого больше не будет. Я больше не стану прятать голову в песок, я теперь другой. Я – не такой как другие, у меня есть Цель, у меня есть Предназначение. Они все – обычные Люди, а я... другой. И со мной нельзя вести себя подобным образом.

– Что? – она задохнулась от возмущения, всплеснула руками, оглядываясь по сторонам, мол, посмотрите, люди, что это делается!

– Вас что, совсем не научили себя вести? Не учили не кричать и не ругаться в общественном месте и на незнакомых людей?

В салоне становится непривычно тихо, даже бабка замолкает, точно какой-то благодетель выключил на ней звук.

– Ведете себя хуже последнего алкаша, стоите тут, ругаетесь, оскорбляете. Что за поколение хамов, уверенных, что им все всё должны? И с чего это, из-за возраста? Так уважают не из-за возраста, а из-за поступков и поведения, а ваши оставляют желать лучшего, – мой голос звучит уверенно и жестко, и меня охватывает восторг, – попросили бы вы спокойно, я бы, разумеется, уступил вам место. Но с таким поведением – постоите, не переломитесь.

Я отворачиваюсь, стараясь не засмеяться, уж слишком смешно она выглядит, растерянная, хватаящая ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег жестоким ребенком.

Больше она ничего мне не говорит, и до самого универа я упиваюсь собственной уверенностью и силой.

Это кажется ерундой, всего лишь ссора с престарелой скандальной женщиной, однако...

Для меня это лишь первый шаг.

В университете мне кажется, будто бы все расступаются передо мной, смотрят с уважением и трепетом, но как бы я не старался, я не могу услышать ни одного слова про Розалию.

Все обсуждают какие-то свои скучные сплетни, пары, курсовые и эссе, и меня охватывает разочарование, до пары по социологии.

Семен заглядывает в аудиторию по время перерыва, ма-

шет рукой, выставляет два пальца, призывая на перекур.

– Ты сегодня медлительнее обычного, – замечает он, прыгая и скача вокруг меня, точно мячик-попрыгунчик, запущенный кем-то с утроенной силой.

– А ты энергичнее обычного, – парирую я, раздосадованный тем, что нет новостей.

Семен же затягивает меня в закуток, демонстративно достает спички – он позер, и пользуется только ими, старательно демонстрируя окружающим.

– Собрание будет после пар, слышал? У всего потока, – Семен ловит мой недоумевающий взгляд и снисходительно поясняет, – ну, из-за той девчонки, что с собой покончила. Ты что, не слышал? Главная новость утра была. Говорят, из-за несчастной любви и по пьяни...

– Само... убийство? – голос кажется чужим.

– Ну да, с крыши сиганула. И они быстренько собрание организовали, для всех по очереди, мол, дети, не умирайте, идите жить жизнь, она у вас одна... – Семен фыркнул, – всю эту всем и без того известную хрень.

– Вот как...

Самоубийство... Самоубийство!

Никто не знает, что это я. Никто не знает, что это я оборвал ниточки ее жизни, превратив ее в бесформенную кучу мяса.

Что я забрал ее жизнь.

– Эй, все в порядке? – Семен косится на мою сигарету,

что превратилась в столбик пепла прямо у меня во рту, – ты что, ее знал?

– Нет, я просто... просто удивился.

Пепел летит на землю, напоминая мне о летевшей вниз Розалии. Как красиво было искаженное ужасом лицо. Как красиво летело вниз тело. И вся эта красота принадлежит не мне?

– А ее точно... не столкнули? – осторожно интересуюсь.

– А мне откуда знать? Говорят, сама сиганула. Жалко, конечно. Но всякое бывает, депрессия там, все такое... Это ведь все химические реакции мозга. Может, витаминов не хватает, вот так вот бывает, не поешь яблочко, а потом с крыши...

Семен продолжает лепетать свои глупости, но я его уже не слушаю. План пошел прахом. Как я стану известным, если мои заслуги приписывают... ничему?

Надо быть прозорливей в следующий раз. Следующий раз? А я уверен, что он будет?

Да, уверен. Это мой путь, я нашел его вчера, я вступил на него вчера, и я его пройду.

Надо лишь только все продумать, чтобы остаться в тени самому, но чтоб мои поступки были на свету.

Необходим свой фирменный знак, как у Зодиака.

День в университете пролетел незаметной тенью, я лишь изредка прислушивался к разговорам, где мелькало имя Розалии. Дома царилла благодатная тишина, и я смог побыть на-

едине с собой, вновь и вновь вспоминая сладостный момент, выражение лица своей первой жертвы, дрожь в собственных пальцах в момент осознания...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.